

ПУБЛИКАЦИЯ ПОСВЯЩАЕТСЯ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ОРЕНБУРГСКОГО ФИЛОЛОГА, ИССЛЕДОВАТЕЛЯ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ
И ТОПОНИМИКИ КРАЯ БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА МОИСЕЕВА

УДК 81'282.3

Е. В. Пурицкая

Лексика псковских говоров и русских говоров Прибалтики: языковые контакты и проблемы лексикографического описания

В статье на материале опубликованных выпусков «Псковского областного словаря с историческими данными» (ПОС) и его картотеки, а также на материалах исследований лексики старожильческих говоров Прибалтики рассматриваются лексические заимствования и другие случаи иноязычного влияния как результат языкового контакта псковских говоров с прибалтийско-финскими и славянскими языками и диалектами. Проведенный этимологический анализ позволяет уточнить лексикографическое описание лексики иноязычного происхождения в ПОС и других словарях, а также прояснить некоторые фрагменты средневековых псковских памятников письменности.

Ключевые слова: псковские говоры, диалектная лексика, заимствование, языковой контакт, диалектная лексикография.

Псковские говоры и родственные им русские старожильческие говоры Прибалтики с глубокой древности существуют в условиях языкового контакта с прибалтийско-финскими языками и другими славянскими языками и диалектами, результатом чего являются, в частности, лексические заимствования. Лексические заимствования в данных группах говоров стали предметом изучения многих лингвистов [см. 1—11], подчеркивалась важность внимательной разработки неисконной диалектной лексики в словарях [9], этимологический комментарий включен и в некоторые диалектные словари [СГСЭ, МСРСГП]. Сегодня, когда в научный оборот введен значительный массив данных по диалектам Северо-Запада, активно изучаются говоры староверов Эстонии, Латвии и Литвы, появились новые возможности для исследования лексики псковских говоров и исторически связанных с ними русских говоров Прибалтики в этимологическом и лингвогеографическом аспектах. В статье рассматриваются диалектизмы заимствованного происхождения в псковских говорах и русских говорах Прибалтики, не получившие освещения с точки зрения этимологии, анализируются принципы их лексикографической разработки.

Описание неисконной лексики в диалектных словарях неизменно вызывает трудности. Иногда сами носители диалекта указывают на то, что слово иноязычное: **кю́флик** ‘совок’: *Совок у нас по-эстонски называют — кюфлик (эст. kühvel ‘совок’) [СГСЭ, с. 79]; кёрта ‘мучная похлебка (обычно на молоке или с добавлением молока)’: *Ржаной или житной мукой заварют такую, как называли, кёрта по-ихнему (эст. kört ‘похлебка’) [СГСЭ, с. 70]; баркán ‘морковь’: *Баркán ёта из Ёсто́нии, там гаваря́т по́рканти (эст. porgant ‘морковь’) [ПОС, вып. 1, с. 120]. Но чаще заимствованное слово уже освоено языком-реципиентом, трансформировано, демонстрирует производные лексемы и его происхождение неочевидно и требует этимологического анализа, а иногда без такого анализа невозможно правильно определить значение слова.***

Так, на территории Псковской области в русских говорах Прибалтики зафиксированы лексемы **корвь** ‘корзина, сплетенная из прутьев ракиты’: *А ёта корвь, карзiна такáя, анá ис пруткóф ракiты [ПОС, вып. 15, с. 228] и кóрфик ‘корзина’: *Кóрф’ика два-тр’и картóшки нъкапáла, и с’ил бóл’и н’эту [МСРСГП, с. 131]; А ёто корфики. Корфик с алю-**

© Пурицкая Е. В., 2015

миниевой проволоки [СГСЭ, с. 74]; **кóрфа** ‘большая корзина с дужкой, которая обычно используется при копке картофеля’ [1, с. 153]. Авторы СГСЭ указывают на связь слова **кóрфик** с эстонским *korv* ‘корзина’ [СГСЭ, с. 74], а в эстонский язык слово скорее всего пришло из древневерхненемецкого: *korb* ‘корзина’ (от латинского *corbis* ‘корзина’) [ЭССЯ, вып. 11, с. 53]. Но наряду со словами **корвь** и **корфик** в псковских говорах отмечено и слово **корб** ‘резервуар в ветряных мельницах, куда засыпается зерно перед поступлением в жернов’: *Зерно засыпают в корб диврянный* [ПОС, вып. 15, с. 263], в ПОС оно разработано как вариант слова **кóроб**. Можно было бы предположить, что это случай редукции гласного [о], поскольку в словаре на то же значение приводятся примеры с полногласным вариантом **кóроб-**: *На мельницы зерно ф кóрап засыпáли; Кóрп стаял навярху, а внизу муку выграбаеш; Сыплиш ф кóрп и мелиш* [ПОС, вып. 15, с. 263; слово **кóроб** в значении ‘ящик для зерна’ широко известно говорам]. Однако в ПОС есть слово с другим вариантом корня **кóрбишка** ‘мешок, торба’: *Мама, я привёс тябё полную кóрбишку згушионава малака* [ПОС, вып. 15, с. 228].

Словообразовательная связь существительного **кóрбишка** со словом **кóроб** вызывает сомнение: слова с корнем **кóроб-** означают что-то, во-первых, плетеное, а во-вторых, квадратное, а **кóрбишка** — это мешок, и ударение падает на первый слог, в отличие от многочисленных производных от полногласного варианта **кóроб-**: **коробеечка**, **коробка**, **коробок**, **коробочка**, **коробушечка**, **коробушка** [ПОС, вып. 15, с. 264—266]. На первый взгляд, слово **кóрбишка** связано отношениями производности не со словом **кóроб**, а со словом **тóрба** ‘мешок с овсом, надеваемый лошади на морду’ (из татарского ‘мешок, котомка’, через польск. *torba* ‘сумка, мешок’ [Фасмер, т. 4, с. 81]; возможны мена согласных к/т или явление контаминации (**корб-/торб-**). Однако слова с корнем **кóрб-** встречаются не только в псковских говорах: **кóрба** в значениях ‘мешок для овса’ и ‘коробка’ зафиксировано в СРНГ с пометами «Твер., Новг., Яросл.» [СРНГ, вып. 14, с. 311], в словаре В. И. Даля с пометой *новг.* и с вопросом к слову [Даль, т. 2, стб. 1948], а также в «Новгородском областном словаре» [НОС, с. 432]. Причем в НОС кроме самого существительного **кóрба** ‘корзина, сделанная из лучины или берёсты’ описаны и его производные **корба́шка** и **кóрбох** в том же значении. Перед нами очень интересный случай: праславянская форма ***korbъ**, сосуществующая в говорах с полногласными вариантами названий корзин (**кóроб-**).

Этимология слов с корнем **кóроб-** остается дискуссионной, попытки возвести **кóроб-** к латинскому *corbis* ‘корзина’ успеха не имели: ученые сходятся в том, что все названия плетеных изделий в языках исконны [ЭССЯ, вып. 11, с. 53—54; Фасмер, т. 2, с. 330—331]. Однако, по мнению О. Н. Трубачева, балтийские названия корзин — лит. *karbas*, лтш. *karba* ‘короб, кузовок из коры’ (совр. лтш. *kurvis*) — имеют славянское происхождение [ЭССЯ, вып. 11, с. 53—54]. Думается, что корень ***корб-** в псковских и новгородских говорах можно объяснить древнейшим балтийским влиянием — если не делать предположения о том, что это следы заимствования из немецкого: это было бы вероятным, если бы слово относилось к другой тематической группе — профессиям, ремеслам, промыслам, как слово **стыр** ‘мачта’, которое трактуется как немецкое заимствование в псковских говорах [12, с. 76]. Вообще на территориях, где контактируют одновременно несколько языков, облик иноязычного слова в близких или даже в одном говоре может различаться в зависимости от того, из какого языка произошло заимствование, и источник заимствования установить бывает трудно — важно, к какому этимону восходят слова. Так, в русских говорах староверов Эстонии известно слово **кюфлик** ‘совок’: *Совок у нас по-эстонски называют — кюфлик* [СГСЭ, 79] (ср. эст. *kühvel* ‘совок’), а в русских говорах Литвы совок и совокую лопату называют **шүфель** (ср. польское *szufła*,

польское диалектное *szufel* [1, с. 167]), причем оба слова восходят к немецкому *Schaufel* ‘совок’. На территории Эстонии и в Псковской области бытует слово **кельма** ‘треугольная металлическая лопатка с изогнутой ручкой для работы каменщика’: *Пакá к’эльму в руках д’аржу, пакá йанá с рук н’и вьвьэл’ицца, на п’эн’зийу н’и пайдú* [МСРСГП, с. 119]; *Кельма — этъ падмятывьтъ цымэнт лапáтка, страйтильнья кельма* [ПОС, вып. 14, с. 95], а в русских говорах Литвы зафиксировано слово **келька**: *А тап’эрь к’элькый шúму выб’ирайт* [МСРСГП, с. 119]. В словарях русского языка приводится слово **кельня** с пометой *тех.* ‘лопаточка каменщика, штукатура для размешивания и захватывания извести, цемента’ и указан источник заимствования: «польск. (*kielnia*)» [ТСУ, т. 1, стб. 1350], а в «Словаре балтизмов в славянских языках» Ю. А. Лаучуте в качестве источника заимствования указано литовское диалектное *kėlnė* ‘мастерок каменщика’ [Лаучуте, с. 88] — при этом все варианты восходят к нем. *Kelle* ‘мастерок’. Аналогичным образом **корвь (корф-)** из эстонского может соседствовать с **корб**, пришедшим из немецкого.

В свете рассмотренных явлений представляется некорректным выведение гласных [а] в корне слов **карабáн, карабэшка** ‘старинная телега; кузов такой телеги’: *Сéна ва-зйли, тьялэги: был карабáн, старинная тьялэга; фсё диривьáнны; Карабэшка, дарадúля, кашэла — эта фсё аднó и то ш: на них сэна вóзят* [ПОС, вып. 13, с. 483—484]: правильнее было вывести **коробáн, коробэшка**. Кроме того, в словаре нужно было бы уточнить, что это не просто телега, а именно ‘приспособление для перевозки сена’: слова с корнем **кóроб-** означают что-то квадратное и плетеное, к тому же в качестве синонима к слову **карабэшка** диалектоноситель приводит слово **кошелá** ‘приспособление из жердей или специальных рам и гибких прутьев для перевозки сена и снопов на телеге или санях’ [ПОС, вып. 16, с. 40].

В качестве заимствований из эстонского можно интерпретировать слова **ки́бка, ки́бочка**, а также **кибítка, кибítочка, кибáчка**. Существительное **кибítка**, известное как народным говорам, так и литературному языку, заимствовано из татарского *kibit* ‘лавка, будка’ [Фасмер, т. 2, с. 227—228], М. Фасмер указывает также слова **кибита** ‘дугообразный обруч, половина обруча большой верши’, **кибítка** ‘дугообразно покрытая телега, повозка, дорожные сани’ [там же]. В псковских говорах зафиксировано слово **кибítка** в значениях ‘крытая повозка; закрытая часть повозки’: *Бýли варóта такйе, аткрывáют, бáрин ёдя ф кибítки*; а также ‘помещение для жилья’: *Эти мáзаны кибítками зовúцца, они белёны* [ПОС, вып. 14, с. 102]. Третье значение слова **кибítка** ‘заплечная корзина с крышкой’: *Кибítку, кúзоф такóй плятúт ис сúчей, прутняшкóм с лэсу загорóдят и несúт, у кибítки зделана такáя крýшэчка* [ПОС, вып. 14, с. 103] — можно считать семантически связанным с первыми двумя, однако это уже не повозка и не помещение, а емкость для хранения и переноски чего-либо, а вот четвертое значение слова **кибítка** ‘круглая деревянная или фанерная коробочка с крышкой’ совсем, на мой взгляд, с татарской кибиткой не связано: *При царé дэньги ф кибítку клáли, тепёрь нítки кладём; Тварашкú кибítку, мáслица ф капúсной лист завёрниш бывáла, и то харашó* [ПОС, вып. 14, с. 103]. Зато прослеживается семантическая связь со словами **ки́бка, ки́бочка** ‘выдолбленное деревянное ведро’: *Кйпка вьдалбана ис какóва-та дэрева, фасóн у её был, как у бóчки; Патóм дэлали кйпки, нис паужэ, верх паишýре; кибítочка* ‘круглая деревянная или фанерная коробочка с крышкой’: *С фанёрки кибítачка такáя зделана, крúглинь-кая, снйзу дóнышка, свэрху закрýшычка такáя зделана, тварóк на пакóс насйли, кибáчка* ‘деревянная шкатулка с крышкой’: *В этай кибáчки я пúгавицы храню* [ПОС, вып. 14, с. 103]. Приведенные слова можно соотнести с эстонским **kibu** ‘банная шайка, небольшое ведерко; деревянная посуда для воды в виде низкого ведра с рукояткой’, в эстонском употребляется в том числе в переносном значении, с оттенком презрительности

‘ряшка, лицо’. Переносное значение есть и у слова **кибѣтка** ‘рот (пренебрежительно)’: *Што где услѣшьит и идѣт к сасѣтке, кибѣтку аткрѣет и фсѣ* [ПОС, вып. 14, с. 103], что подтверждает, что **кибѣтка**, **кибѣточка** — это именно емкость, причем емкость круглая. Обращает на себя внимание и географическая локализация записей: слова зафиксированы в Печорском, Островском, Гдовском, Палкинском, Пыталовском районах Псковской области, т.е. в районах, граничащих с Эстонией и Латвией, в других районах и других русских говорах в таком значении неизвестны. Таким образом, в ПОС слово **кибѣтка** следовало описывать в виде двух омонимичных лексем.

Этимологический комментарий мог бы развеять сомнения авторов словарных статей на слова **кѹппа**, **кѹппушка** ‘женщина, пускающая кровь при помощи рожков’: *Так и называем кравамѣтка, ѣсли рашкѣм пускаѣт, ѣта кѹппа, кѹппушка* [ПОС, вып. 16, с. 375], толкование сопровождается знаком вопроса. Слово зафиксировано на территории Эстонии (в дер. Кикита) и представляет собой заимствование из эстонского: *kurp* ‘банка’, *kurru laksma* (рапета) ‘ставить банки’ [Тамм] — капиллярное кровопускание осуществляется с помощью рожков, т.е. медицинских банок, а наименование лица, занимающегося кровопусканием, в говорах образовано по метонимии.

Вызывает сомнения и правильность толкования слова **ѣзуник** ‘мера жидкости (0,25 л)’ в 1 выпуске ПОС: *Два ѣзуника принѣс, напиѣшы и ляжѣть; Купѣ ѣзуник, вѣипит хѣщѣца; Мѣла вѣипили, фсѣвѣ ѣзаник какѣй-нябуть* [ПОС, вып. 1, с. 55]. Из контекстов только последний соответствует определению ‘мера жидкости’, а первых два контекста свидетельствуют о том, что **ѣзуник** — это ‘маленькая (0,25 л) бутылка водки’. Слово заимствовано из эстонского, где *asunik* имеет значение ‘поселенец, колонист, новоземелец’ [Тамм], а также характерное для народной речи, диалектов переносное значение — ‘маленькая бутылка водки, четвертинка, чекушка’. В словаре вернее было бы истолковать **ѣзуник** как ‘маленькая бутылка водки объемом 0,25 л’, что подтверждает и производное **ѣзуничек**: *Хѣть ѣзаничѣка вѣипит з дарѣги* [ПОС, вып. 1, с. 55]. А. Е. Аникин в 1 выпуске «Русского этимологического словаря» указывает на то, что два этих значения ‘поселенец’ и ‘мера жидкости’ не связаны, и описывает слова как омонимы:

«**ѣзуник I** ‘новоземелец’ ... // Из эст. *asunik* ‘по-селенец, колонист’ (ср. *azunikka* ‘житель’ в Ингерманландии), разг. ‘бутылка водки на четверть литра’ (ср. *asundus* ‘поселение, поселок’), произв. с суфф. -ник (< рус. -ник) от *asu*-та ‘находиться, быть’, ‘лежать, быть положенным’, ‘начинать’, ‘поселяться, занимать место’ и др., далее к фин. *asua* ‘жить, проживать’ и др.

ѣзуник II, азаник ‘мера жидкости (четверть литра)’, ‘мера сыпучих тел (четверть ведра)’ ... // Из эст. *asunik*, диал. *asonik* в знач. ‘четвертинка, чекушка’, далее см. **ѣзуник I**» [Аникин, вып. 1, с. 114].

Однако с такой лексикографической трактовкой вряд ли можно согласиться. Семантический перенос с человека на емкость с алкоголем — активная метафорическая модель, характерная для разговорной речи и просторечия и реализованная также в слове **мерзѣвчик** ‘маленькая (около половины стакана) бутылочка с водкой’. В основе метафоры в слове **мерзѣвчик** лежит намек на губительное действие содержимого емкости, а переносное значение слова **ѣзуник**, очевидно, основано на представлении о стесненном положении, бедности колонистов, арендаторов, которые не могут себе позволить купить большую бутылку (ср. в псковских говорах **беднячѣк** ‘бутылка емкостью в четвертую часть литра’: *Биднячѣк, четвѣртая часть литра, принѣс, грибѣм закусил да лѣк; пакуль хазѣйка прибирѣлась, а он намѣр* [ПОС, вып. 1, с. 144]). Соответственно, слово **ѣзуник** в словарях логичнее описывать как многозначное, с отражением семантической производности: ‘поселенец, арендатор’ → ‘маленькая бутылка водки 0,25 л’ → ‘мера, составляю-

шая четверть чего-н.’ Третье значение слова **áзуник** ‘мера сыпучих тел (четверть ведра)’: *Приняси́ áзъник жь́ить* [ПОС, вып. 1, с. 55; СРНГ, вып. 1, с. 214], очевидно, является расширением значения ‘четверть литра’. На этом примере заметно также, как заимствованное слово осваивается говорами: наблюдается характерное для гдовских говоров явление редукции заударного [у] (*Мáла вь́пили, фсявó áзаник какóй-нябу́ть*), что способствует переносу ударения на второй слог: **азáник** [ПОС, вып. 1, с. 55]; непрозрачная внутренняя форма слова ведет к его изменению «народной этимологии»: **азóвник** ‘арендатор’ [ПОС, вып. 1, с. 55].

Однако не всегда фиксация слова в русских говорах и в контактирующем языке означает, что слово заимствовано в русский. Так, авторы СГСЭ, описывая слово **ла́та** ‘длинная тонкая палка, при помощи которой на крышу прикрепляется солома’: *Ла́ты — таки́ дли́нны жэ́рзди, ко́лы, под крýшу набивáют* [МСРСГП, 143; СГСЭ, 80], приводят сравнение с эст. *latt* ‘жердь, планка, брусок’. Однако слово **ла́та** ‘жердь обрешетки’, ‘длинная тонкая жердь’, ‘поперечная жердь, прибитая к кольям или столбам’, ‘слеги, укрепленные на стропилах’ и в др. значениях, связанных с деревянным строительством и обработкой древесины, широко представлено в русских говорах — брянских, курских, орловских, ростовских, донских и др. [СРНГ, вып. 16]. Встречается существительное **ла́та** и в псковских говорах ‘жердь, узкая доска, прикрепляемая к стропилам для настила кровли’: *Ста́вши шпáры, по́сле абрешэ́тши жэ́рдьём, а хош даска́м, ла́тэм, ла́ты пилёны́и, как жэ́рдьё, четырёхра́нныйи* и ‘доски, прибываемые к бортам долбленной лодки для устойчивости’: *А э́сли ло́тка не далба́ная, то из до́сок её уну́ть, а к далба́най прибывáют ла́ты, э́та дуби́цы назывáюца* [ПОС, вып. 16, с. 521]. Слово восходит к славянскому корню ***lata-** ‘заплата’ [ЭССЯ, вып. 14, с. 47], на базе которого сформировался отдельный семантический комплекс, связанный с деревянным строительством, включающий, кроме существительных, глаголы **ла́тать**, **ла́твить**, **ла́тить** ‘прибивать латы (кровельную дранку, доски, брусья) поперек стропил для настила’ (Курск., Южн., Орл., Зап., Твер.) [СРНГ, вып. 16, с. 287—288]. В том же значении глаголы **латáть** и **ла́тить** зафиксированы в ПОС: *латáть* ‘прибивать горизонтальные жерди, латы к стропилам’: *Спя́рва наставили шпáры, а пáтом взялись латáть крýжу. Фчирá дом ла́тили. Дéлают крýшу, вначáле шпáры дéлают, ла́ты прибывáют к шпáрам, ла́тят крýшу* [ПОС, вып. 16, с. 522—523]. Следовательно, это слово **ла́та** заимствовано в эстонский из русских говоров и в словаре это необходимо отразить в соответствующем комментарии.

Этимологический анализ позволяет не только уточнить современный диалектный материал, но и прояснить языковые данные средневековых памятников письменности. В «Книге прихода-расходной Псково-Печерского монастыря», псковском памятнике письменности XVII в., встретилось слово **килимата**, которое вошло в 14 выпуск ПОС, однако там оно никак не истолковано и современных случаев его употребления на территории Псковской области не обнаружено: «*Взято семь рублей оброку с ысаду Мтеши со встх мтешских жильцов у целовальника Нестерка Яковлева с товарищи с тягла с семи килимат за манастырьское годовое дъло за 183-и годъ*» [ПОС, вып. 14, с. 115].

В «Приходо-расходной книге Псково-Печерского монастыря» 1674—1675 гг., как ее характеризует Н. Д. Сидоренская, описываются бытовые ситуации, отражающие повседневную жизнь монастыря, а также регулируются правовые отношения [13, с. 135], в данном случае — зафиксирован денежный сбор. **Оброк** в данном контексте имеет значение ‘денежный сбор за отданную в наем землю’, **исад** ‘рыбачий поселок, деревня’, **тягло** ‘участок, облагаемый оброком’. Что же такое **килимата**? В современных говорах староверов Эстонии известно заимствованное слово **килимáт** ‘лукошко для ручного сева’ [14, с. 91] от эстонского *külimit* ‘севалка»; ср. тж. эст. *külima* ‘посеять’ [Тамм]. Поэтому **ки-**

лимата — мера зерна для посева, которая соответствовала определенной посевной площади. Как указывает Т. А. Пецкая, «за мерами сыпучих веществ иногда (как и в XVII в.) признавалось даже преимущество перед мерами веса, поскольку вес одного и того же по объему количества зерна зависит от степени его влажности и качества. При подсчете урожая важно получить сведения об объеме зерна, так как объем соотносится с посевной площадью» [15, с. 137] (ср. высказывания современных носителей псковских говоров: *Рáньшэ карзѳны бѳлы, весоѳ нэ было, мэры бѳлы корзѳнами, так лѳишее с карзѳны зерно он снимáл* [КПОС]). Для посева могли использоваться различные корзины: **лукно́**, **луко́шко**, **луко́шечко**, т.е. ‘невысокая, широкая, плотно сплетенная корзинка без ручки или с ручкой, по форме напоминающая решето’, но чаще использовалась специальная корзина, название которой мотивировано глаголом **се́ять**: **севáлка**, **се́венька**, **севня́**, **севáлина**, **севáльня**, **севѳнка**, **сѳвка**, **севня́**: *Лукно́, сѳвня́ завѳца, зерно́ сеѳили, повѳсят на пѳлатѳнца и сеѳют. Сеѳяли рука́м, севáлина на шѳю, лукно́ тако́е, пакупáли ѳли плялѳи, аѳсá бяря́ пóлную и кидáй. Севáлка ѳта тако́е лукно́ с верѳвачкам, хóдиши, сеѳеи зерно́, бяре́и с лукна́ ѳты пѳстки и кидáеш на зѳмлю. Рáньше бѳлы плетѳные севáлки, знáчит, сеѳют с ней, бóльшы ведра́, на ремне́ анá, на шѳю адѳнеш и сеѳеи* [КПОС]. Важны свидетельства информантов о том, какому весу соответствует объем таких корзин: *Сивáлка, ѳто сеѳют из неѳ, луко́шка бальшо́е, ѳ бальшо́е влѳзет с полпуда. Ф сеѳѳки двáцать фúнтоф* [КПОС]. Отметим, что и в эстонском, и в русском языке слово, обозначающее корзину для сева, мотивировано глаголом **сеять**.

В «Книге прихода-расходной...» употребляется не только слово **килимата**, но и образованное от него прилагательное **килиматный** в сочетании *килиматные деньги* ‘определенный вид побора, пошлины’ (ср. зафиксированные в других псковских памятниках письменности сочетания *пошлинные деньги, обрóчные деньги, поголовные деньги*): «*Взято дватцать четыре рубли дватцать семь алтын полторы деньги оброку с посаду у денежного зборщика у Ивана Дмитриева да у подьячево Филипа Харитонава что онѳ собра с печерских посацких жильцов и с пачковских и с куничинских килиматных денег за монастырьское годовое дѳло с восьми алтынѳ и с трех полушок и с четверти полушки с тягла за нынѳшней за 183-и год с копейки по рублю*» [ПОС, вып. 14, с. 115]. Выражение *килиматные деньги*, судя по всему, означало денежную выплату, которая взыскивалась с крестьян, взявших семена для посева в долг. Тот факт, что в «Прихода-расходной книге...» использовано местное слово для меры зерна, говорит о самостоятельности монастыря в административном отношении: «...монастырь был крупным земельным собственником и сам производил административное управление в своих обширных владениях» [16, с. 258]. Сколько же зерна могла вместить **килимата**?

В псковских памятниках письменности и в псковских говорах зафиксированы как распространенные русские названия мер для сыпучих тел **четверть**, **четверик**, **четвертина**, **четь**, **осьмина**, **осьмак**, так и заимствованные **килимата**, **пура**, **матик**. Причем **осьмак** упоминается в «Книгах псковитина посадского торгового человека Сергея Иванова сына Поганкина», памятнике XVII в., и как мера зерна при посеве: «*Сѳетца на той нивѳ осмина со смакомѳ ржи во псковскую, в нивную*» [ПОС, вып. 23, с. 469]. Согласно современным диалектным записям: *Асьма́к — патары́ мэрки. Ёли три сеѳѳки, или 60 фúнтоф* [там же]. Отсюда можно заключить, что **килимата**, как и **сѳвка**, вмещает 20 фунтов, или полпуда (8 кг). В «Эстонско-русском словаре» к слову **külimit** приведено толкование с пометой «устарелое»: «*vilja mõõt* (т.е. хлебная мера) — треть **пурки**» [Тамм]. **Пу́ра (пу́рка, пур)** — мера в один пуд [15, с. 139] или, по другим данным, в три пуда (см. [МСРСГП, с. 266]; по-латгальски — *ruirs*, по-латышски — *pūrs* [17, с. 41]). **Ма́тик** ‘емкость для зерна, муки’ в виде: а) небольшого ящика, лукошка с деревянным

дном: *Мáтик — такой яшишечек; он [мельник] сыпал сябэ [зерно] за работу в мáтик;* б) миски, таза, обычно деревянных: *Ну, мáтик — такая была круглая, как чашка дырявая; называли мáтикам. И вот афса даш каню, фсыплиш мáтик-та;* в) решета: *Эта мáтик — отдають сколько муки* [ПОС, вып. 18, с. 47]. Описание внешнего вида и функций **мáтика** позволяет предположить, что это примерно такая же емкость, как лукно и севалка, и примерно столько же вмещает, но в «Эстонско-русском словаре» И. Тамма к слову **matt** ‘осмина’ приводится помета «устарелое» и уточняется, что это «*mõõt — pool külimittu*», т. е. мера, равная половине климаты.

Итак, несмотря на то что многие этимологии имеют гипотетический характер, этимологический анализ неисконной диалектной лексики позволяет пролить свет на некоторые «темные» случаи диалектной лексикографии, уточнить толкование слова, обосновать принципы его лексикографического представления, а также проследить лексические связи псковских говоров и русских говоров Прибалтики.

Статья подготовлена при поддержке гранта СПбГУ «Региональные формы русского языка в исторической перспективе», 31.38.291.2014.

Список использованных источников и литературы

1. Немченко В. Словарный состав говора русского населения Ионавского района Литовской ССР // LIETUVOS TSR AUKŠTŪJŲ MOKYKLŲ MOKSLO DARBAI, KALBOTYRA, III, 1961. С. 147—175.
2. Семенова М. Ф. О русских старожильческих говорах Латгалии // Русский фольклор в Латвии: песни, обряды и детский фольклор. Рига : Лиесма, 1972. С. 11—20.
3. Никитина Т. Г. Балтизмы в лексике и фразеологии псковских говоров // Псковские говоры и их окружение / ред. коллегия: Л. Я. Костючук (отв. ред.), Н. В. Большакова, А. С. Герд, Т. Г. Никитина, Т. А. Пецкая. Псков : ПГПИ, 1991. С. 94—101.
4. Бурдакова О. Прибалтийско-финские заимствования в русских говорах Причудья : дис. на соискание ученой степени *magister artium* по русскому языку. Тарту, 1998.
5. Ровнова О. Г. О современном языке староверов Западного Причудья // Очерки по истории и культуре староверов Эстонии / отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2004. С. 144—154.
6. Кюльмоя И. П. О влиянии эстонского языка на говоры Западного Причудья. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. Тарту, 2004. С. 155—160.
7. Штейнгольд А. В. Лексика староверов Западного Причудья в этимологическом аспекте // Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II. *Humaniora: Lingua Russica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика X. Тарту, 2007. С. 164—175.
8. Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб. : Наука, 2003.
9. Мызников С. А. Разработка неисконных данных в диалектных словарях и проблемы их этимологизации // Диалектная лексика 2013 / отв. ред. О. Н. Крылова. СПб. : Нестор-История, 2013. С. 239—246.
10. Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры. СПб., 2004. Вып. 8. С. 173—235 (Е, Ж, Ш, Щ, Ю) ; СПб., 2008. Вып. 9. С. 209—262 (О, Н, П, Р).
11. Королёва Е. Е. Лексика Прейльских говоров староверов (современное состояние) // *Latvijas Universitātes raksti*. 707. sēj.: Valodniecība. Rīga, 2006. P. 7—13.
12. Храмова В. П. Названия лодок и их частей в лексике псковских рыбаков // Псковские говоры в их прошлом и настоящем / ред. коллегия: Л. Я. Костючук (отв. ред.), Н. В. Большакова, А. С. Герд, С. М. Глускина, Т. Г. Никитина. Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. С. 73—82.
13. Сидоренская Н. Д. Монастырские книги Псково-Печерского монастыря XVII века как лингвистический источник // Псковские говоры и их окружение : межвуз. сб. науч. тр. Псков : ПГУПУ, 1991. С. 128—138.
14. Костанди Е. И., Кюльмоя И. П. О русском языке современной Эстонии // Русский язык зарубежья. СПб., 2013. С. 85—106.
15. Пецкая Т. А. К истории бытования некоторых названий мер // Псковские говоры. История и диалектология русского языка / ред. Я. И. Бьёрнфлатен. Oslo : Solum Forlag, 1997. С. 133—141.

16. Ковалых Е. В., Сидоренская Н. Д. Псково-Печерский монастырь как один из центров русской (псковской) письменности XVII в. // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию летописного упоминания) / отв. ред. В. В. Седов. М. : Моск. гос. ун-т печати, 2003. С. 256—260.

17. Берзинь А. У. Особенности русского языка в Латвии // X Международный симпозиум МАПРЯЛ. Велико-Тырново, 2010. С. 38—45.

Список сокращений

Аникин — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 1. М. : ИРЯ, 2007.

Даль — Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1955.

КПОС — Картотека Псковского областного словаря, хранится в Межкафедральном словарном кабинете филологического факультета СПбГУ.

Лаучуте — *Лаучуте Ю. А.* Словарь балтизмов в славянских языках. Л. : Наука, 1982.

МСРСГП — *Немченко В. И., Сеница А. И., Мурникова Т. Ф.* Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики / под ред. М. Ф. Семенович. Рига, 1963.

НОС — Новгородский областной словарь / подг. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб. : Наука, 2010.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1—25. Л./СПб., 1967—2014 (издание продолжается).

СГСЭ — *Паликова О. Н., Ровнова О. Г.* Словарь говора староверов Эстонии. Тарту : О-во культуры и развития староверов Эстонии, 2008.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—24 / гл. ред. Ф. П. Филин ; ред. Ф. П. Сороколетов. М. ; Л. : Наука, 1965—1989 ; Вып. 25—47. СПб. : Наука, 1990—2014 (издание продолжается).

Тамм — *Тамм И.* Эстонско-русский словарь. Таллин : Валгус, 1977.

ТСУ — Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1964—1973.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. Вып. 1—37. М. : Наука, 1974—2011.

Поступила в редакцию 28.05.2015 г.

Пурицкая Елизавета Владиславовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований Российской академии наук
Российская Федерация, 199053, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., 9
E-mail: purichi@list.ru

UDC 81'282.3

E. V. Puritskaya

Vocabulary of Pskov Dialects and Russian Dialects of Baltic Region: Language Contact and Problems of Lexicographical Description

The author considers lexical borrowings and other cases of a foreign language impact on Pskov dialects as a result of language contact between these dialects and Finnic and Slavic languages and dialects. The research draws on published editions of the “Pskov regional vocabulary with historical data” and its card-index and materials on Russian dialects of Baltic Region. The implemented etymological analysis helps to clarify the lexicographical description of foreign origin words in the Pskov regional vocabulary and other vocabularies, as well as to clarify some fragments of medieval Pskov manuscripts.

Key words: Pskov dialects, dialect vocabulary, borrowing, language contact, dialect lexicography.

Puritskaya Elizaveta Vladislavovna, Candidate of Philological Sciences
Institute for Linguistic Studies (IL), Russian Academy of Sciences
Russian Federation, 199053, Saint-Petersburg, Tuchkov per. 9
E-mail: purichi@list.ru